

М.Э. Дубровина,
кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, РФ

M.E. Dubrovina,
Candidate of philology, docent at the department of Turkic philology,
St.Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: *maggydu@rambler.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ИСЛАМОВЕДОВ

SIGNIFICANCE OF STUDYING TURKIC LANGUAGES IN THE PROCESS OF PREPARING SPECIALISTS AND ISLAMIC SCHOLARS

Аннотация: в докладе обосновывается мысль о важности для формирования профессиональных кадров введения в образовательные программы по специальности «исламоведение» дисциплин, связанных с изучением тюркских языков, а также тюркской истории и культуры, являющихся достижением и наследием народов, традиционно исповедующих ислам в Российской Федерации.

Ключевые слова: исламоведение, тюркские языки, ислам в России, образовательные программы.

Abstract: the report substantiates the idea of the importance for the formation of a professionals of introduction to the educational program majoring in Islamic studies disciplines related to the study of Turkic languages and Turkic history and culture, which is the achievement and heritage of Nations traditionally practicing Islam in the Russian Federation.

Keywords: Islamic studies, Turkic languages, Islam in Russia, educational programs.

Значение изучения тюркских языков в процессе подготовки специалистов-исламоведов.

Каковы цели и задачи исламоведения как научно-учебной дисциплины? Именно этим вопросом задавались учёные и общественные деятели прошлого [1, 4], именно этот вопрос продолжает оставаться насущным и в современном мире [2, 3, 5, 6].

Многие исследователи суммируют опыт, накопленный в течение последних лет, как в академическом, так и в практическо-прикладном плане. Они отмечают, что сегодня образовательные направления, связанные с исламоведением и изучением ислама, привлекают в основном тех, кто хочет изучить исключительно арабский язык, освоить историю арабских стран и получить востребованную в современном мире профессию, ориентированную на арабский восток [7].

То есть становится понятным, что исламоведение в обывательском представлении ассоциируется, прежде всего, с комплексом дисциплин, направленных на изучение арабского региона и арабского языка. Мотивы подобного положения дел абсолютно прозрачны, ислам зарождается в Аравии, и с этого момента отделить эту религию от арабской культуры не представляется возможным, это просто не может прийти в голову. Тем не менее проводить полное отождествление между понятиями «наука об исламе» и «арабский мир» тоже едва ли оправдано.

По официальным статистическим данным, на сегодняшний момент ислам является второй по многочисленности мировой религией, его исповедуют около 1,5 миллиардов мусульман в 120 странах. Бесспорно, по количеству верующих именно страны с арабским населением возглавляют этот список. Тем не менее, если рассматривать исламоведение как область науки и сферу образования, то для каждой страны оно должно иметь свою отличную от других специфику. Так, для российского исламоведения важным критерием должен признаваться этнический состав верующих-мусульман, населяющих именно эту страну. Если обратиться к

данным переписи населения, которая проводилась в 2002 году, то станет понятным, что среди приблизительно 18 миллионов традиционно мусульманских народов Российской Федерации не менее половины составляют именно тюркские народы: татары, башкиры, кумыки, ногайцы, балкарцы, а также проживающие на территории Российской Федерации азербайджанцы, казахи, узбеки, киргизы, таджики, турки-месхетинцы. Кроме того, ислам является ведущей религией таких тюркских стран (бывших республик СССР), продолжающих сохранять отношения с Россией, как Азербайджан (8 млн мусульман), Казахстан (13,7 млн мусульман), Кыргызстан (6 млн мусульман), Таджикистан (6,3 млн мусульман), Туркменистан (4, 5 млн мусульман), Узбекистан (30 млн мусульман).

Если же к этому прибавить ещё около 70 миллионов тех исповедующих ислам, которые проживают в Турции, то можно говорить приблизительно о 145 миллионах человек, которые являются представителями различных тюркских национальностей и в силу этого относятся к тюркской культуре.

Нередко в лингвистических кругах можно встретить такое убеждение, что язык, будучи системой, представляет собой нечто замкнутое и изолированное. Между тем, в соответствии с теоретическими положениями некоторых современных концепций теоретического языкознания, язык – это адаптационная система, которая способна реагировать на внешние запросы и в зависимости от них подвергаться различным диахроническим изменениям. Исходя из принципов системной лингвистики, основоположником которой можно считать московского учёного Г.П. Мельникова (1928–2001), язык является системой и состоит из определённых подъярусов (подсистем, подкатегорий и т.д.). И сам, в свою очередь, представляет собой подсистему в некоей надсистеме, вступает в определённые взаимоотношения с другими её подсистемами и подчиняется в рамках этой надсистемы определённым законам. Из сказанного становится понятно, что надсистема – это вся жизнедеятельность человеческого общества, а отдельные её подсистемы – это не только язык, но и вероисповедание данного социума. Таким образом, язык в том или ином отношении всегда подвержен влиянию со стороны религии, так как и язык, и религия воспринимаются как связанные элементы одной

системы. Из этого можно сделать промежуточный вывод, в соответствии с которым религия способна накладывать на язык некие необходимые для неё требования, благодаря которым в языке становится возможным наблюдать определённые изменения.

Обратимся к небольшому экскурсу в историю тюркских языков. Общеизвестным является то, что первые тюркские племена по своим вероисповеданиям были язычниками. Их основными божествами были Тенгри, Умай и Ыдук Йер-Суб (Суг). Благодаря дошедшим до нас памятникам древнетюркской письменности, мы получаем необходимую информацию не только об исторических и политических событиях, но и об устройстве самого языка, а также о том виде письма, который использовали древние тюрки. Здесь отнюдь не голословными выглядят утверждения о том, что язык, так или иначе, является отражением уровня цивилизации народа, на нём говорящего. Древнетюркские племена пользовались рунической письменностью, которая, по мнению некоторых исследователей, возникла автохтонно в среде самих тюркских племен и не была заимствована извне. Зафиксированный в памятниках язык, представляя собой язык доисламского периода, как на семантическом уровне, так и на лексическом уровне довольно сильно отличается от тех тюркских языков, которые мы наблюдаем в более поздние эпохи. В настоящее время наиболее близким древнетюркскому языку среди тюркских языков признаётся якутский язык, который продолжает обслуживать народ, в основном исповедующий те или иные варианты языческих верований.

В хронологическом отношении следующим древним языком тюрков был древнеуйгурский язык. В период использования этого языка тюркские народы подвергались сильному влиянию буддийской религии и культуры, что повлекло за собой ряд языковых изменений. Прежде всего, тюрки стали использовать иное, а именно манихейское письмо, кроме того, в язык вошло большое количество новых лексических единиц и целых речевых оборотов, семантически связанных с буддийской тематикой.

Однако уже с середины VIII века ислам начинает проникать в среду тюркских кочевников Центральной Азии. С этой целью к тюркским правителям направлялись различные миссионеры,

арабские торговцы, купцы, мистики и дервиши вели свои проповеди и среди средних и низших слоёв населения. Известно, что уже в X веке целые группы тюркского населения стали исповедовать ислам. Об этом свидетельствуют мусульманские кладбища того времени, найденные на уйгурских, традиционно буддийских территориях Синьцзяна, а также биографии известных проповедников ислама. Например, один из самых выдающихся мусульманских философов того времени Абу Наср аль-Фараби (870–950 гг.), несмотря на то что провёл свою жизнь в Дамаске и Алеппо, происходил из тюркской семьи, жившей в Центральной Азии. Процесс исламизации тюркского общества повлёк за собой значимые изменения во всём укладе жизни, отразился он и на самих тюркских языках. Тюрки-мусульмане постепенно переходили на арабскую графику, менялся лексический состав языков, общий облик тюркского высказывания. Можно с уверенностью констатировать, что именно под влиянием ислама стала зарождаться и очень быстро развиваться тюркская литература, которая в своём начале была связана преимущественно с теми или иными религиозными темами.

Таким образом, даже беглый взгляд на данную проблему позволяет заключить: в курсы по исламоведению, осуществляемые в высших учебных заведениях на территории Российской Федерации, помимо безусловно приоритетных дисциплин, связанных с освоением таких религиозных предметов, как Коран, хадисы, биография пророка (САС), толкование Корана, а также собственно арабского языка, необходимо вводить тюркские языки и курсы по ознакомлению с историей и культурным наследием собственно тюркских народов как народов, которые традиционно исповедуют ислам в России.

Литература

1. Гордлевский В.А. Чему учить и как учить? // В.А. Гордлевский. Избранные сочинения: Т. IV. – М., 1968. – С. 479–490.
2. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. – М., 2004.
3. Прозоров С.М. Классическое исламоведение (введение в исламоведение). Программа спецкурса лекций для студентов

Восточного факультета СПбГУ. – СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2009.

4. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. – Л.: ЛГУ, 1966.

5. Халидов А.Б. Программа спецкурса «Исламоведение». Казань: Казан. гос. ун-т, 2001.

6. Кириллина С.А. Программа лекционного курса «Исламоведение». – М.: Издательский центр Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. Программа лекционного курса «Исламоведение». Социальная структура и этно-конфессиональные проблемы стран Востока // Сборник программ спецкурсов, читаемых в ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. 2-е изд., стереотипное. – М.: Гуманитарий, 2001.

7. Соболев В.Г. «Практическое востоковедение» и «Прикладное исламоведение». Цели и задачи востоковедного образования в представлениях А. Казем-Бека и современные тенденции в развитии отечественного исламоведения. – С. 141–145.